

чине нужды, испытанной в детстве, ненавидел, когда другие делали деньги на его имени. Как выразился однажды нью-йоркский мастер Аса Хоффманн: «Если кто-то готов заплатить 50 долларов за автограф Бобби Фишера, и вы собираетесь привести за 5 баксов этого собирателя к нему, Бобби захочет и эти 5 баксов, иначе откажется и от 50-ти».

ГЛАДИАТОР ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

Михаил Таль был известен своим неприятным буравящим взглядом, некоторым он казался зловецим. Глубоко посаженными, почти черными глазами он буквально впивался в противника, словно – как кто-то искренне считал – стараясь гипнотическим воздействием вынудить его ошибиться. Американец венгерского происхождения Пал Бенко однажды нацепил солнечные очки, играя с Талем, в качестве защитной меры.

Но Таль не нуждался в уловках. 23-летний уроженец Латвии играл блестяще. Двукратный чемпион СССР, он победил в 1958 году на межзональном турнире в Портороже и являлся фаворитом в споре за право на матч против чемпиона мира Михаила Ботвинника, намеченного на 1960 год. Партии Таля полнились дикими, вдохновенными комбинациями, интуитивными жертвами и вообще «пиротехникой». Привлекательной наружности и начитанный, весь – сгусток энергии, латыш стремился понравиться публике и являлся ее любимцем. Его правая рука была деформирована, но это никак не влияло на его уверенность в себе.

Фишеру самоуверенности также было не занимать, но стилем он обладал совсем другим: прозрачным, кристально-чистым, экономным, конкретным и рациональным. Дж. Доннер, голландский гроссмейстер внушительных габаритов, отметил этот контраст: «Фишер – прагматик и техник. Он почти не делает ошибок. Его позиционные суждения бесстрастные, почти пессимистические. Стиль Таля более творческий, его безграничная вера в себя – опасна, ему нужно помнить об этом и не “зарываться”».

Европейцы, следившие за подготовкой к турниру претендентов, с симпатией относились к Бобби, но по другим причинам: американец просто не мог так *хорошо* играть в шахматы, как он. Тем более, в 16 лет! В Югославии, обожавшей шахматы, он стал диковиной, его осаждали любители автографов и интервьюеры. Долговязый, с походкой вразвалку, одетый в стиле, который некоторыми европейцами воспринимался как западный или техасский, он удостоился такого газетного определения: «лаконичен, как герой старого ковбойского фильма».

Бобби вытерпел взгляд Таля, когда они впервые встретились за доской в Портороже. Та партия закончилась вничью. Совсем недавно в Цюрихе, за три месяца до кандидатского шоу, они вновь сыграли вничью – Бобби пришел третьим, отстав на очко от занявшего первое место Таля. Но теперь ставки были слишком высоки – по результатам турнира определится тот, кто сыграет матч на первенство мира – и Бобби не собирался допускать, чтобы взгляд-«дурное знамение» заговорил его судьбу.

Турнир претендентов, проводившийся в трех югославских городах под патронажем диктатора маршала Йосипа Тито, большого любителя шахмат, игрался по круговой системе в четыре тура. В нем участвовали восемь сильнейших шахматистов планеты, стало быть, каждому предстояло сыграть с каждым из соперников по четыре партии, причем цвет фигур всякий раз менялся. Турнир должен был длиться более шести недель при очень напряженном графике. Четверо участников – Михаил Таль, Пауль Керес, Тигран Петросян и Василий Смыслов – представляли Советский Союз, трое других – Глигорич, Олафссон и Бенко – безусловно, принадлежали к элите мировых шахмат. Фишер был единственным американцем, и многим казался темной лошадкой. В одном интервью – в момент юношеской бравады – он заявил, что собирается выиграть турнир. Леонард Барден, британский шахматный журналист, утверждал, что Фишера так часто спрашивали о том, какое место он надеется занять, что он выучил сербо-хорватское слово *prvi* – первое.

Секундант Бобби, великий датчанин Бент Ларсен, которому было положено – «по штату» – помогать «нанимателю», выступая в роли и ментора, и тренера, неожиданно подверг критике победный настрой Бобби, возможно, всё еще чувствуя боль от разгрома, учиненного ему Бобби в Портороже. Не являясь человеком, который держит свои мысли при себе, он сообщил Бобби: «Большинство думает, что с тобой неприятно играть». И добавил: «Ты странно ходишь», – походка Бобби, который словно раскачивался на длинном шаге, осталась от его спортивного прошлого: годы плавания, тенниса и баскетбола. И, не желая хоть что-то оставлять за кадром, заключил: «И ты некрасив». Бобби остался в убеждении, что Ларсен не шутил, и что обидные слова – «ранили». Его самооценка и уверенность в себе ощутимо просели.

Но это не сделало вундеркинда менее боевитым.

Всё еще чувствуя обиду от того, как с ним обращались в Москве год назад, Бобби примерял для себя роль гладиатора Холодной войны. Он даже заявил, что почти все советские игроки в турнире – его враги (исключение он сделал для рыжеволосого Смылова, разговаривавшего с ним мягко и вежливо). Годы спустя из документов, обнародованных КГБ, выяснилось, что Бобби не ошибался. Один русский мастер – Игорь Бондаревский – написал, что «все четыре советских противника [Фишера] делали всё, что было в их силах, дабы наказать выскочку». Большие друзья Таль и Петросян все четыре партии между собой завершили короткими ничьими, сохраняя энергию. Хотя в так называемых гроссмейстерских ничьих (в них противники не борются, а просто делят очко на двоих после полутора десятка бессодержательных ходов) и нет ничего незаконного, но они граничат с беспринципностью.

Бобби со своей стороны был исполнен яростной решимости перед предстоящими сражениями: «Я преподам этим грязным русским такой урок, который они долго будут помнить», – писал он из отеля «Топлице». Эта решимость отбросит тень на весь его крестовый поход длиною в жизнь.

Перед началом первой партии против Таля в Блэде Бобби уже сидел за столиком, когда точно по расписанию появился 23-летний Миша, чтобы начать игру. Бобби приподнялся, Таль протянул ему правую руку. Эта рука у Таля была сильно деформирована, на ней имелось только три пальца, и поскольку запястье было очень тонкое, рука напоминала клешню. Бобби, к его чести, на это внимания не обратил. Он дважды потряс руку Таля, и партия началась.

Через несколько ходов настроение Бобби испортилось. Ему перестало нравиться поведение Таля за доской и вне ее. На этот раз «пристальный взгляд» его раздражал. Таль, словно нарочно стараясь еще сильнее вывести Бобби из себя, изображал на лице легкую улыбку недоумения после каждого хода противника, словно желая сказать: «Глупый малыш, я знаю, что у тебя на уме – смешно думать, что ты можешь меня перехитрить!»

Бобби решил использовать тактику Таля против него. Он тоже пристально смотрел на Таля и даже пытался копировать улыбку презрения. Но через несколько секунд он покончил с войной взглядов и сконцентрировался на более важных вещах: событиях на доске, перспективных вариантах и способах отражения комбинации, которую Таль, похоже, замыслил.

Таль представлял собой энциклопедию кинетического движения. Дело нескольких секунд – переставить фигуру, записать ход на бланке, придвинуть голову к часам, чтобы уточнить время, соорудить гримасу, улыбнуться, поднять брови и – слова Бобби – «скорчить рожу». Затем он вставал из-за столика и начинал прохаживаться по сцене, пока Бобби думал. Тренер Таля, Игорь Бондаревский описывал передвижения своего подопечного, как «кружение стервятника вокруг столика», – стервятника, надо полагать, готового броситься на добычу.

Таль был заядлым курильщиком, он мог выкурить целую пачку сигарет за одну партию. У него также имелась привычка класть подбородок на край стола и смотреть сквозь фигуры на позицию, бросая взгляды украдкой на

противника, а не сидя вертикально, и направляя на доску свой немигающий птичий взор, что давало лучший обзор происходящего в партии. Причудливый язык тела соперника Фишер истолковал, как попытку вывести его из себя.

Жесты и взгляды Таля бесили Фишера. Он пожаловался арбитру, но понимания не нашел. Когда бы Таль ни отходил от доски, пока Фишер думал над своим ходом, он обязательно вступал в разговоры с другими советскими участниками, – им доставляло удовольствие шепотом обсуждать ход борьбы на всех досках. Хотя Бобби немного знал русский язык, в падежах он путался. Он слышал, например, слова *ferz* («ферзь») или *lad'ya* («ладья»), и не мог понять, говорил Таль об их партии или нет. Это выводило его из себя. Бобби не мог уразуметь, почему главный арбитр не прекратит эти беседы, ведь они запрещены правилами, и он передал организаторам, что Таля нужно изгнать из турнира. Но... советские игроки десятилетиями разговаривали друг с другом во время игры, и никто не жаловался – и этот факт работал против Фишера.

Фишера возмущало также и то, что по окончании партии многие участники немедленно приступали к совместному с противником анализу окончившейся партии прямо на сцене всего в нескольких шагах от него, а не в специальной комнате. Шум отвлекал его внимание. Он написал жалобу и передал ее главному арбитру:

Анализ противниками оконченной партии должен быть запрещен, чтобы не создавать помех играющим. По завершении партии Рефери обязан немедленно убрать фигуры со столика, дабы не допустить анализа. Организаторам предлагается подготовить специальную комнату для анализа «post-mortem». Комната должна быть звукоизолирована, чтобы шум не доносился до продолжающих игру.

Роберт Дж. Фишер, международный гроссмейстер

Но реакции не последовало. Никто из других участников не присоединился к протесту, поскольку все они занимались тем, против чего протестовал Фишер.

Бобби быстро завоевал репутацию вечного жалобщика, «Вздорного американца» и большинству его поведение пришлось не по вкусу. Они считали, что в своих поражениях он просто ищет виноватого – будь то турнирный комитет, или другие участники.

Неизвестно, отличался или нет Фишер гиперчувствительностью, но он явно страдал из-за гиперслуха – острая чувствительность к шуму и даже удаленным звукам – и было заметно, что Таль, например, ловко действовал ему на нервы. Русский мог посмотреть на Бобби с близкого расстояния или издали, и начать смеяться, а однажды в общей комнате он указал на него и громко произнес: «Бобби, куку!» Бобби едва не заплакал. «Почему Таль сказал мне “куку?”» – спрашивал он, и в первый и, наверное, единственный раз за всё время Ларсен попытался его утешить: «Не обращай внимания». Он сказал Бобби, что тому следует искать возможности отрешиться... за доской. После этого местная газета опубликовала карикатуры на всех участников, и даже изготовила сувенирную открытку. Портрет Бобби получился особенно острым, с оттопыренными ушами и открытым ртом, что делало его похожим на... кукушку.

И, понятное дело, рядом с портретом Бобби присутствовала маленькая птичка, устроившаяся на шахматной доске. Понятно, кукушка.

Зрители, игроки и журналисты начали интересоваться у Бобби, как он может два школьных месяца – сентябрь и октябрь – проводить, играя в турнире. Наконец, правда раскрылась: он бросил «Эразмус-холл». Подпись под согласием на пропуск школьных занятий 16-летнего юноши стала ударом для Регины. Она надеялась, что ей удастся уговорить его вернуться в школу в будущем – по окончании турнира. Пытаясь убедить его изменить решение, помощник директора школы Грейс Кори написала ему в Югославию письмо, в котором спрашивала, что он думает о регентских экзаменах

штата Нью-Йорк. У него неплохие оценки по испанскому (90%), и по геометрии (97%), что означает «удачный год».

Но какие бы оценки – хорошие или плохие – ни получал Бобби, имидж его уже сформировался. Что он бросил школу, а значит, у него нет образования, знали все, и русские стали считать Фишера *nyeculturni* и принялись его дразнить. «Что ты думаешь о Достоевском, Бобби?», – спрашивал один. «Ты – утилитарист?», – вопрошал другой. «Хотел бы ты встретить Гёте?» Они не знали, что Бобби много читал не только в средней школе, но и для собственного удовольствия. Ему нравился Джордж Оруэлл, и годами он имел под рукой «Скотный двор» и «1984». Впечатление произвел «Портрет Дориана Грея» Оскара Уайльда. Любимой книгой был «Кандид» Вольтера, и он часто вспоминал комичные сцены из этого романа. Таль спросил Бобби, приходилось ли ему бывать в опере, и когда Бобби тут же напел арию из «Кармен» Бизе, русский на время умолк. Бобби посетил незадолго до поездки в Европу французскую оперу с матерью и сестрой в «Метрополитан-опера» в Нью-Йорке. У него имелась книга с рассказами о великих операх, и он заглядывал в нее время от времени.

Но, к несчастью – и это не имело отношения к вопросу об уровне его культуры – Бобби играл в турнире поначалу неудачно. Он сильно расстроился, проиграв две партии Талю, не упускавшему случая обидно уколоть молодого противника. Перед их третьей партией Бобби подошел к Александру Кобленцу, одному из тренеров Таля, и тихим, но максимально угрожающим тоном, произнес: «Если Таль не будет себя вести прилично, я выблюю ему все передние зубы». Таль продолжил свои провокации, и Фишер потерпел третье поражение.

Возникла ситуация, в которой такой молодой шахматист, как Бобби, мог безвозвратно рухнуть в бездну поражений. Но он сумел взять себя в руки, и, несмотря на поражения, вернул оптимистическое настроение. Он нашел успокоение в абстрактном мире Льюиса Кэрролла, где всё навыворот. Он писал: «Я теперь в хорошем настроении, и у меня от-

личный аппетит. [Как] в “Алисе в стране чудес”. Помните? Красная королева кричала *перед* тем, как соринка попала ей в глаз. У меня хорошее настроение *перед тем*, как я выиграю все оставшиеся партии».

«Сходим в кино?» – предложил Дмитрие Белица однажды вечером накануне партии со Смысловым. Белица – югославский шахматный журналист, получивший на телевидении национальную известность в качестве футбольного комментатора. Он сдружился с Бобби в Портороже и, относясь с пониманием к его жалобам, полагал, что поход в кино поможет Бобби отвлечься. Так получилось, что в Белграде демонстрировался только один фильм на английском языке с названием «Жажда жизни» – красочный биографический фильм о полубезумном голландском художнике Винсенте ван Гоге.

Бобби принял приглашение и сразу после сцены, в которой ван Гог отрезает себе ухо после глупой ссоры с Полем Гогеном, Бобби повернулся к компаньону и прошептал: «Если завтра не выиграю у Смылова, отрежу *себе* ухо». Фишер блестяще руководил черными фигурами на следующий день и выиграл первую партию у русского экс-чемпиона мира. Параллель линий жизни Фишера и ван Гога доходит только до этого момента, ухо Бобби осталось на месте.

Дальнейшее происходило по шаблону, причем не лучшему для Бобби: если он у кого-то выигрывал, то на следующий день обязательно проигрывал. Он победил Бенко, но затем проиграл Глигоричу. После победы над Фридриком Олафссоном, новое поражение от Таля. Бобби понял, что шансы на завоевание титула стремительно тают, но ему вовсе не хотелось заканчивать, как Терри Маллоу – герой Марлона Брандо в одном из самых любимых фильмов Бобби «На берегу» – «с билетом в один конец до Палукавилля».

Бобби проигрывал партии, которые мог свести вничью, и делал ничьи там, где мог выиграть. Он похудел на десять фунтов, и не из-за плохого аппетита. Гостиничный доктор прописал ему тоник, который никак не улучшил состояние «больного». Его дорожные деньги очень сильно уменьшились после потери семи чеков путешественника, и полу-

чить у матери новые оказалось непросто. Однажды он даже назвал ее «мерзкой» за то, что она отказалась восполнить недостающие средства. «Ты знаешь, что я очень экономно трачу деньги», – жаловался Бобби. Ларсен, по его мнению «угрюмый и неотзывчивый», продолжал сеять в нем сомнения, убеждая в том, что он может рассчитывать только на место в низу турнирной таблицы. Когда Ларсен повторил это публично, и слова его напечатала белградская газета «Борба», Бобби обуял гнев – он чувствовал себя униженным. Ларсен был его секундантом, ему платили 700 долларов – эквивалент нынешних 5000, и Бобби ожидал, что тот будет его подбадривать, и уж во всяком случае, не станет исполнять на публике роль Кассандры.

Он проиграл Талю, но некоторые его партии заслужили высокую оценку. Гарри Голомбек, главный судья, сказал, что Фишер усиливает свою игру с каждой партией, и что, по его мнению, «если бы турнир продолжался 56 туров вместо “всего лишь” 28-ми» Бобби занял бы место гораздо выше. «Таль ему еще “не по зубам”, но его две победы над Кересом и равный счет со Смысловым достаточно ясно говорят о высоком классе».

Чемпион мира Михаил Ботвинник поставил неправильный диагноз юному американцу, написав: «Сильные и слабые стороны Фишера в том, что он верен себе и всегда играет одинаково, вне зависимости от того, кто сидит против него или других внешних факторов». Действительно, Фишер редко изменял своему стилю, и это давало его соперникам некоторый плюс, поскольку они знали наперед, какие дебюты он применяет, но Ботвинник не догадывался о той ярости, которая обуяла Фишера из-за разрушительной атмосферы, созданной Талем.

Бобби начал плести заговоры. Таль требовалось остановить, если не за доской, то каким-то иным образом. Таль считал он, умышленно применяя непорядочные приемчики, заставил его проиграть три партии подряд, украв у него первое место: «Его жульничество лишило меня матча с Ботвинником», – писал он матери.

Был ли это клинический случай паранойи или просто детской фантазией, трудно сказать, но Бобби стал вынашивать планы – и даже переносить их на бумагу – репрессалий против Таля: «Может, стоит ткнуть ему в глаз – или в оба жучиных глаза – ручкой? Или лучше отравить? Я могу пробраться в его комнату в отеле “Эспланада” и насыпать яду в стакан». Несмотря на мечты о мести, которые в реальность не воплотились, играл он с доблестью в их четвертой по счету партии, которую журналистам обещал выиграть вне зависимости от того, на какие хитрости пустится Таль на доске и за ее пределами.

Бобби даже применил психологический трюк, несмотря на свое часто цитируемое высказывание: «Я не верю в психологию – я верю в сильные ходы». Обычно он сначала делал ход на доске, переключал часы и затем записывал ход на бланке. В этой партии на 22-м ходу он внезапно изменил процедуру, и сначала записал ход на бланке, причем использовал русскую систему нотации. Затем он подвинул бланк так, чтобы Таль смог увидеть написанное, и, пока часы его тикали, наблюдал за реакцией Таля.

Таль с атипичным лицом покерного игрока, увидел на бланке, как он полагал, выигрывающий за Фишера ход, и... вот что он написал позднее: «Мне бы очень хотелось, чтобы он изменил свое решение. Поэтому я спокойно встал со стула и начал прогуливаться по сцене. Я пошутил с кем-то [с Петросяном], бросил случайный взгляд на демонстрационную доску и вернулся на место с довольным выражением на лице». Поскольку Таль сохранил довольный вид, Фишер посчитал ход неудачным. Он перечеркнул его на бланке и сделал на доске другой, объявив шах королю Таля. Этот ход оказался ошибкой.

Бобби закрыл глаза, чтобы нейтрализовать талевские фокусы – ему не нужно было смотреть на доску, позиция отпечаталась у него в мозгу – и попытался заблокировать все отвлекающие факторы. Он сконцентрировал всю энергию на нахождении единственного хода или варианта, тактической «фенечки», которая позволила бы ему выплыть из темных

вод сумбура, борясь с искушением переставить фигуру или пешку на фатальное поле.

Но ничего не получалось. Он проигрывал. Трагедийно, эмоционально, экзистенциально, это была шахматная смерть. Он плакал и даже не прятал своих слез. Таль выиграл четвертую и последнюю их партию, а с ней и турнир. Эта победа приведет его на шахматный Олимп.

«Я люблю ночной мрак, он помогает сконцентрироваться», – однажды заметил Бобби. Сестра вышла замуж, Регина отправилась с маршем мира из Сан-Франциско в Москву, и бруклинская квартира осталась в его полном распоряжении – прекрасное ощущение. С ним была только его собака Хоппи, тихая хромая дворняга, единственный компаньон. Одиноким тинэйджер, его мысли и поступки ничто не ограничивало, ни семейные, ни социальные устои. Его не заставляли часто менять простыни в постели, а чтобы менять перспективу, он чередовал спальные места. Рядом с каждой постелью, покоясь на стуле, стоял шахматный комплект. Падая вечером на выбранную постель, он смотрел на доску, и в голову ему приходили мысли: посмотреть атаку четырех пешек в Староиндийской защите, доставлявшей ему трудности в быстрых шахматах? Или поработать над эндшпилем, особенно таким трудным, как ладейно-пешечный? А может быть, посмотреть какие-то партии (из тринадцати сотен) шахматистов высокого уровня, сыгранные на мюнхенской олимпиаде 1958 года?

Подобные вопросы посещали Бобби каждый вечер перед сном, прерываясь только на 45 минут, когда транслировалась его любимая радиопередача.

Полька «Путь открыт!» Эдуарда Штрауса – звук трубы к открытию гоночной калитки, эта ударная преамбула будила его, если он начинал клевать носом. Песня-заставка для ток-шоу Жана Шеферда была записана Артуром Фидлером и Бостонским симфоническим оркестром, и посыл всадника передавался Бобби, настроение улучшалось, как только он слышал первые звуки. «Похоже на цирковую му-

зыку», – однажды произнес Бобби, находясь в приподнятом настроении, и это один из самых живых танцев, созданных сыном Иоганна. Но для Бобби важна была не музыка. Его завораживало само бранно-ворчливое ток-шоу, которое вел юморист Жан Шеферд.

Бобби не просто любил шоу, он был его фанатом. Когда в 1956 на WOR-радио оно впервые появилось в эфире – описываемое как симбиоз «кабуки» с «комедия-дель-арте» – Бобби слушал почти каждый выпуск, если находился в Нью-Йорке. Шеферд стал его благоприобретенным вкусовым ощущением: ведущий рассказывал в форме новелл о своем детстве на Среднем западе, армейских годах и взрослых приключениях в Нью-Йорке. Он сыпал шутками, затягивал ужасным голосом канувшие, казалось, в небытие песни «салунов», играл на казу – музыкальном инструменте самого низкого порядка. Большинство шоу проходило весело, некоторые – настолько мрачно, что казались почти маниакальными. У него был разученный смех – не гогот, скорее, псевдо-гогот, из-за которого он казался не вполне нормальным. Ведущий подавал себя как современного Марка Твена или Дж. Сэлинджера. Его рассказы имели второй план, *мессидж*, и их можно было рассказывать снова и снова.

Бобби посылал Шеферду записки, посещал живые представления, которое радио давало в кофе-хауз «Лаймлайт» в Гринвич-виллидж, посещал его студию на 1440, Бродвей. После шоу они вдвоем следовали установившемуся ритуалу – шли два квартала на север, поедали хот-доги у Гранта на углу Бродвея и 42-й улицы, рядом с «Центром мира», Таймс-сквер. Шеферд вспоминал, что они говорили мало, просто ели. Однажды Бобби рассказывал об игроке, с которым ему предстояло встретиться в турнире, и повторял снова и снова, «он тупой», но так и назвал его по имени и не объяснил, почему о нем такого мнения.

Время от времени Шеферд упоминал Фишера в своем эфире. Хотя он и не играл в шахматы, его восхищала сама *идея* «Бобби Фишер» и та цель, которую тот стремился до-

стичь. «*Бобби Фишер*», – шептал он заговорщицки, словно говорил только с одним человеком, а не с десятками тысяч. «Просто *представьте*. Приятный малый, великий шахматист, может быть, самый великий из *всех*, когда-либо живших на свете. Когда он играет в шахматы, он... *гадок!* Он *реально* гадок!» Несколько раз Шеферд помогал осуществлять акции по сбору денег для Шахматной Федерации США, являющейся некоммерческой организацией. Он делал это ради Бобби.

Бобби больше нравилось слушать радио, чем смотреть телевизор. Одним из его преимуществ было то, что радио не мешало смотреть на доску. Он где-то услышал, что телевизор испускает вредные лучи, и потому побаивался сидеть против вездесущего экрана слишком часто. Ему нравилась интимность радио. Когда Шеферд вел свою программу, Бобби приглушал свет в комнате и вступал в одностороннюю беседу, смягчавшую его одиночество. Наедине с мерцающей желтым светом шкалой настройки приемника, шахматной доской, расположенной под рукой, шахматными книгами и журналами, разбросанными по комнате, он отпускал свои мысли в свободное плавание.

Когда шоу заканчивалось, Бобби принимался крутить ручку приемника, стараясь найти другие шоу, другие программы. Иногда он останавливался на поп-музыке, которая, если уменьшить громкость, тоже позволяла сконцентрироваться на шахматном анализе. Иногда он слушал ночных проповедников, часто фундаменталистского толка, которые читали свои проповеди и говорили о значении и разных интерпретациях Библии.

Заинтригованный Бобби стал всё чаще слушать религиозные радиопрограммы, такие как «Час решения» Билли Грэхема, который в проповедях призывал слушателей отказаться от мирской жизни и найти спасение во Христе. Еще Фишер слушал «Час лютеранина» и «Музыка и слово изреченное», а также вдохновительные сообщения мормонского хора из молельного дома Табернакл. По воскресеньям Бобби привык слушать радио целый день, перескакивая с

одной программы на другую. В один из таких дней переключений он нашел то, что искал: программу харизматического Герберта В. Армстронга на так называемом «Радио церкви Бога». Это была плотная церковная служба, включавшая в себя песнопения и гимны, а также проповедь Армстронга, часто о естественности и практичности евангелий. «Он казался таким искренним», – впоследствии вспоминал Бобби. «Он обладал всеми основными достоинствами: верностью Богу, трудолюбием, упорством, умением не отступаться от цели. Он упрям и настойчив». Это были те самые качества, которые Бобби привнес в шахматы. Ему захотелось узнать больше.

Один из догматов веры Армстронга состоял в том, что человек не должен верить в ту миссию, которую возложили на себя врачи. В проповеди, впечатлившей Бобби, Армстронг говорил:

Мы недостойны брать преломленный хлеб, если берем его на святом причастии и затем верим в докторов и медицину, а не во Христа – тем самым ставя другого бога выше Его! Многие больны и многие умрут!

Если Господь – Целитель – *единственный* истинный Целитель – и если медицина происходит из древней языческой практики знахарей, находившихся в милости у воображаемых богов медицины, то значит, нет тогда необходимости во врачах?

Да, я в этом уверен. Но если бы все люди поняли и восприняли божественную истину, то роль врачей сильно бы отличалась от их сегодняшней роли. Нет излечения в целом вагоне, да что в вагоне, в целом поезде медицинских препаратов! Почти все недуги и болезни – результат ложных диет и неправильного питания. Истинная роль врача состоит не в узурпации прерогативы Бога, как Целителя, но в помощи в соблюдении законов природы путем предписания правильной диеты и обучения нас, как правильно жить *в согласии с законами природы*.

Убежденный аргументацией Армстронга, Бобби купил копии его проповедей и начал рассылать их своим друзьям.

«Радио церкви Бога» Армстронга становилась международным предприятием, «Мировой церковью Бога», и в итоге стало утверждать, что у нее более 100 тысяч прихожан и слушателей. Бобби чувствовал себя комфортно в лоне этой церкви, поскольку она объединила в себе некоторые из христианских и еврейских догматов, таких как соблюдение Шаббата с вечера пятницы до вечера субботы, законы кошерной пищи, вера в приход Мессии, соблюдение еврейских святых дней и отрицание Рождества и Пасхи. В очень скором времени он погрузился в Библию, и в «Церковь» вообще почти так же глубоко, как в шахматы. По субботним вечерам после шаббата он обычно шел в манхэттенский шахматный клуб или домой к Коллинзу, где играл в шахматы, и хотя иногда он возвращался домой около четырех утра, неизменно посвящал еще целый час молитве. Он также начал проходить заочный курс «Постижения Библии», подготовленный Церковью, и старался смотреть на события в мире под углом зрения, предписанным Армстронгом. В конце каждого еженедельного урока следовали тесты, которые следовало пройти самостоятельно. Типичный вопрос:

Какова главная причина войн и человеческих страданий? А. Плотские устремления человека. Б. Ложные политические идеологии – фашизм, коммунизм. В. Бедность. Г. Недостаток образования и экономических возможностей.

Правильный ответ: «А» [Так отвечал и Бобби]

В конце концов, Бобби начал посылать Церкви 10% из своих мизерных шахматных заработков, отказывался участвовать в турнире, если организаторы настаивали, чтобы он играл и в пятницу. Он начал жить по догматам Церкви, объясняя это так: «Святое Писание – наиболее рациональная, основанная на здравом смысле книга из всех, когда-либо написанных на Земле».

Бобби стал повсюду носить картонную коробку синего цвета. Когда его спрашивали, что в ней, он ничего не отвечал, но смотрел так, словно хотел сказать: «Как можете задавать мне этот вопрос? Я сильно огорчен и оскорблен». Неделя за неделей, куда бы он ни шел – в шахматный клуб, ресторан, кафетерий или бильярдную – коробка всегда находилась при нем. Наконец в середине 1960-х в ресторане, выходящем на Юнион-сквер, Бобби отошел в комнату отдыха, оставив коробку на столе. Его компаньон не смог удержаться от соблазна. Чувствуя вину за то, что нарушает личное пространство Бобби, он поднял крышку. Внутри находилась книга с названием золотым тиснением: «Святое Писание».

Благодаря обретенной набожности Бобби перестал ругаться. Однажды вечером, когда с приятелем они поглощали мороженое в ресторане Говарда Джонсона на пересечении Шестой авеню и Гринвич, какая-то женщина постоянно входила и выходила из ресторана. То ли много выпившая, то ли в наркотическом опьянении, она бормотала четырехбуквенное слово. Бобби почувствовал себя неудобно. «Ты это слышал?, – спросил он. – Это ужасно». Он не мог больше слушать ее. «Уйдем отсюда», – попросил Бобби. И приятели вышли на улицу, оставив мороженое недоеденным.

НОВЫЙ ФИШЕР

Мольба в голосе была настолько явной, что свидетели чувствовали себя неловко. «Ну же, Бобби. Я могу тебя подобрать. Решайся». Тишина на другом конце трубки. «Мы можем погулять». Мертвая тишина. «Можем поиграть блиц или пойти в кино». Молодой шахматный мастер, старше Бобби на несколько лет, звонил по офисному телефону маршалловского шахматного клуба, пытаясь уговорить Бобби встретиться. «Или я возьму такси. Я заплачу за него». Было два часа пополудни, и Бобби только что проснулся. Речь его, когда он, наконец, ответил, казалась заторможенной, в голосе ощущался металлический оттенок, и слова звучали так, словно один слог растягивался на два. Разговор был достаточно громок, во всяком случае, его слышали все из находившихся в офисе. «Не знаю. Нет. Да, а сколько времени? Мне надо поесть». Оптимизм звонившего возрос. «Мы можем пообедать в баре “Омаров”. Ты их любишь. Соглашайся». Успех. Через полтора часа 16-летний Бобби первый раз за день что-то ел: филе камбалы и большой стакан апельсинового сока.

Бобби, шедшего через терминал Центрального вокзала по направлению к ресторану, практически никто не узнавал, но для пригласившего его – и практически всех шахматистов – обедать с ним означало сидеть за одним столом с кинозвездой. Он становился супер-знаменитостью в мире шахмат, но чем больше славы он обретал, тем более неприятным становилось его поведение. Раздутое успехами за шахматной доской, его это стало отталкивать других людей. Исчез Милый Бобби с притягивающей улыбкой. Появился